

УДК 903.2

**П.В. Мандрыка**

Сибирский федеральный университет  
 пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия  
 E-mail: pmandryka@yandex.ru

## НОВАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЮЖНО-ТАЕЖНОЙ ЗОНЕ СРЕДНЕЙ СИБИРИ

*В результате широкомасштабных исследований в южно-таежной зоне Средней Сибири выявлен ряд памятников раннего железного века с оригинальной валиковой керамикой, что позволило рассматривать их в рамках одной археологической культуры, названной шилкинской по наименованию памятника, где впервые такая керамика была найдена в закрытом комплексе. В статье дается общая характеристика культуры конца VI – начала I в. до н.э., выявляются особенности городищ, селищ, жилищ и других памятников, строится типология вещей и оригинальной посуды. Определяется ареал культуры и ее истоки.*

Железный век южно-таежной зоны Средней Сибири изучен неравномерно. В Северном Приангарье обнаружено значительное количество памятников разных этапов эпохи железа. Выделению на их основе цэпаньской культуры и составлению периодизации посвящены работы В.И. Привалихина [1986, 1993], В.П. Леонтьева [1999], Н.И. Дроздова, В.П. Леонтьева, В.И. Привалихина [2005]. Благодаря поискам Г.И. Андреева [1971], В.И. Привалихина и В.И. Макулова [Макулов, Леонтьев, 2003; Привалихин, Дроздов, Макулов, 2005] немногие памятники железного века стали известны на территории Эвенкии, в бассейне Подкаменной и Нижней Тунгусок. Отдельные находки и археологические объекты эпохи железа обнаружены в таежных районах нижнего Енисея [Николаев, 1963; Баташев, Макаров, 2000] и Чуно-Ангарья [Гревцов и др., 1988; Буторин и др., 1990; Гревцов, Сергейкин, 1999]. Несмотря на то что наиболее значительные результаты были получены при исследовании памятников Енисейского Приангарья [Мандрыка, 2003б], железный век лесной полосы Средней Сибири остается во многом слабоизученным. Изучение же этих культур особенно важно, поскольку

именно с ними связаны многие вопросы этногенеза современных народов Восточной Сибири.

В результате 20-летних широкомасштабных исследований под руководством автора в южно-таежной зоне Средней Сибири выявлен ряд близких между собой памятников раннего железного века с оригинальной валиковой керамикой, что позволяет рассматривать их в рамках одной археологической культуры, названной шилкинской [Мандрыка, 2006] по наименованию памятника, где впервые в закрытом комплексе была найдена такая керамика. В Енисейском Приангарье культура представлена 14 поселениями, 3 селищами, 2 городищами и производственной площадкой. Возможно, к ней следует относить и два грунтовых погребения, выполненных по обряду труположения с сожжением в могиле [Мандрыка, Свалова, 1998], и петроглифы Островки-3 [Мельникова, Николаев, Мандрыка, 2000]. В других сопредельных районах таежной зоны памятники шилкинской культуры представлены пока исключительно поселениями и отдельными находками (рис. 1), а погребальный обряд остается неизвестным.

Поселения находятся на 16–20-метровых и более высоких террасах, что говорит о довольно сильной

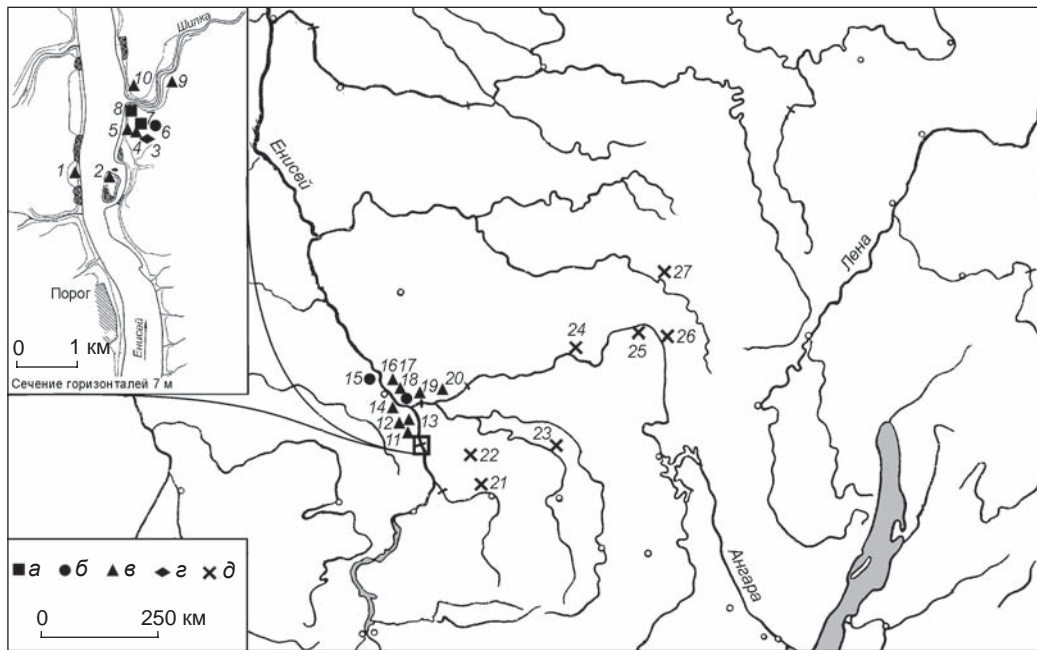


Рис. 1. Распространение памятников шилкинской культуры.

1 – Нижнепорожнинское-1; 2 – Островки-1; 3 – Шилка-6; 4 – Шилка-11; 5 – Шилка-9; 6 – Шилка-10; 7 – Шилка-2; 8 – Усть-Шилка-2; 9 – Шилка-5; 10 – Усть-Шилка-1; 11 – Падерино; 12 – Усть-Нижняя; 13 – Шапкина; 14 – Бурмакинские Камни; 15 – Чермянка; 16 – Усть-Самоделка-1; 17 – Лесосибирское-3; 18 – Каменка-2; 19 – Стрелковский Порог; 20 – Черная; 21 – Казачка; 22 – Дзержинское; 23 – Хандальск; 24 – Чадобец; 25 – Нижняя Изголовь; 26 – Сергушкин; 27 – Усть-Тэтэрэ.

*a* – городище; *б* – селище; *в* – поселение; *г* – железоплавильная мастерская; *д* – шилкинская керамика.

увлажненности климата в период их функционирования и частых высоких паводках на Енисее. Размеры поселков обычно составляют ок. 4 тыс. м<sup>2</sup>. Наиболее исследованными являются стратифицированные городища Усть-Шилка-2 и Шилка-2 (вскрыто соответственно 1 244 и 925 м<sup>2</sup>), селища Чермянка и Каменка. Большинство других памятников многослойные, где шилкинские комплексы оставлены в результате кратковременных стоянок и выделяются типологически. Культурный слой всех поселений слабо насыщен находками, имеет небольшую мощность (до 5 см) и светло-серую окраску, что говорит о незначительном по времени пребывании здесь древних людей.

Городища шилкинской культуры отмечены пока только в южной части ее распространения, в створе Казачинского порога на Енисее. Памятник Усть-Шилка-2 изучен полностью; на Шилке-2 вскрыта четверть всей площади. Оба приурочены к краю террасы, находятся на возвышенном месте. Расположение городищ в непосредственной близости друг от друга (в 300 м) предполагает не одновременное, а последовательное их существование. Изучение этих памятников позволяет проследить изменения оборонительной системы и жилищных объектов шилкинской культуры во времени.

Городище Шилка-2, представляющее ранний этап развития культуры, располагалось на мысовидной гриве, имело прямоугольную укрепленную площадку, вытянутую от края берега [Мандрыка, 2003а]. Северная оборонительная линия, проходившая по верху гривы, состояла из рва шириной 1 м, глубиной не более 40 см и вала шириной также 1 м, высотой не больше 30 см. С напольной стороны гривы и вдоль ее склонов оборонительная стена не сопровождалась рвом и валом, а устанавливалась в неглубокой траншее. Размеры укрепленной части городища: ширина до 15–18 м, длина до 50 м, следовательно, площадь составляла ок. 825 м<sup>2</sup>. Вход был с северо-востока, т.е. со стороны лога, а не берега. В стену с западной стороны от входа был врезан котлован какого-то объекта, возможно оборонительного, 3,0 × 3,0 м. В 11 м к востоку от входа за пределами укрепленной площадки размещалась постройка хозяйственно-культурного назначения размерами 3,0 × 3,0 м. Внутри укрепленной части городища отмечается восемь жилищных подпрямоугольных котлованов. Они расположены по одной линии вдоль края террасы на расстоянии от 1 до 7 м друг от друга.

Неукрепленная часть городища занимает северный сектор поверхности гривы. Здесь фиксируются 16 котлованов, которые расположены двумя груп-

пами. Первая находится в северной части площадки. Здесь четыре котлована размещены в линию, а два – в стороне. Вторая группа представлена десятью котлованами, расположенными в ряд по западному склону гривы.

Аналогичное устройство укреплений наблюдается и на городище, относящемся к позднему этапу развития культуры. Оно располагалось в устье р. Шилки, на мысу 17-метрового высотного уровня, образованном правобережной енисейской и левобережной шилкинской террасами. С южной стороны поверхность мыса плавно переходит в 14-метровую террасу р. Енисей, а с восточной – ограничивается небольшим логом. Укрепленная площадка городища занимала наиболее возвышенную северную часть гривы и имела шестиугольную форму, с запада и севера обрывалась склонами террасы, а с востока и юга ограничивалась стеной (рис. 2). Ее площадь составляла ок. 900 м<sup>2</sup>. С восточной стороны основание деревянной оборонительной стены закладывалось в неглубокую траншею (ширина 0,4–0,6 м, глубина 0,2–0,3 м), с напольной южной – в траншею-ров шириной до 1,0 м при глубине до 0,2 м. Как и на городище Шилка-2, выбросы из траншеи осуществлялись на внутреннюю площадку,

которая тем самым искусственно возвышалась возле стен. Основным элементом оборонительной системы – бревенчатая стена, скорее всего, типа тына. В южной ее части наблюдается разрыв, т.е. проход был со стороны пологого склона. Здесь же зафиксированы два вытянуто-овальных пятна длиной 2,6 и 1,5 м, шириной 0,4–0,6 м – скопления древесных углей мощностью не более 3 см. Возможно, это остатки обожженных бревен тына или того, что закрывало вход. За пределами укрепленной части городища в 2,5 м от стены и в 9 м к востоку от входа размещалась углубленная постройка хозяйственно-культурного назначения (рис. 3). Жилища возводились только в центре внутренней площадки. Это были три углубленных жилища прямоугольной в плане формы, которые располагались по одной линии параллельно южной стене на расстоянии от 1 до 1,5 м друг от друга.

Несомненно, оба городища однотипны. Они находятся в близких топографических условиях микрорельефа, на гривах, окруженных логом или крутыми береговыми склонами, на одной высотной отметке. На обоих городищах главным элементом оборонительной системы была бревенчатая стена типа тына, основание которой размещалось во рве-

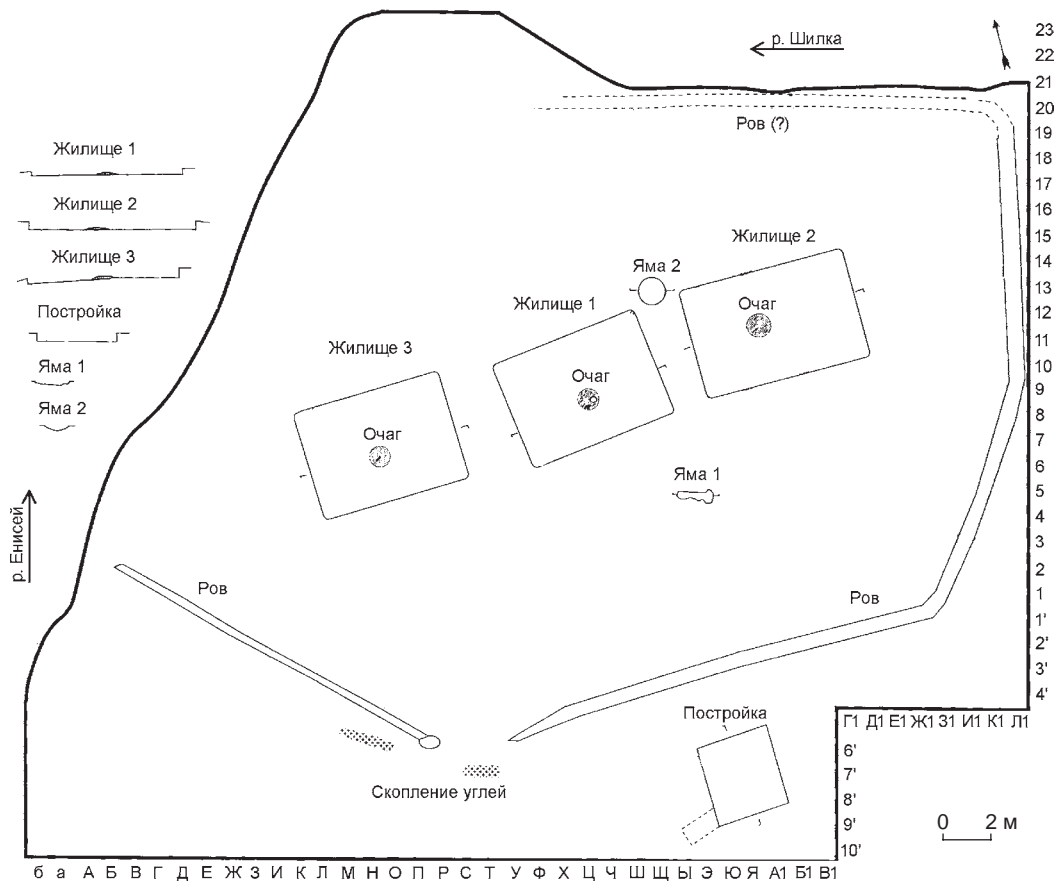


Рис. 2. План городища Усть-Шилка-2.

траншее и с внутренней стороны дополнительно укреплялось обваловкой. Каждое городище с напольной стороны имело по одному входу. Возле него за пределами укрепленной площадки располагалась хозяйственно-культурная постройка, аналогичная по конструкции углубленным жилищам. Мощность культурного слоя на обоих городищах незначительна. Пространство укрепленной площадки использовалось одинаково – для устройства жилищ, которые размещались в один ряд, ориентированный по линии З–В.

Жилища шилкинской культуры однокамерные, углубленные, по конструктивным деталям разделяются на два типа. К первому отнесены сооружения прямоугольной формы с котлованом  $4,0 \times 5,0$  м и глубиной 0,25–0,33 м [Мандрыка, 2003в, с. 80, рис. 2, 3]. Площадь жилищ составляла ок. 17 м<sup>2</sup>. Стенки котлована укреплялись бревенчатой рамой. В центре одной длинной стены устраивался коридорообразный вход с укрепленным плахами основанием. Перекрытие, очевидно пирамидальной или усеченно-пирамидальной формы, опиралось на плечики котлована. Есть некоторые основания предполагать, что пол был деревянным, настилался на продольные поперечные балки. Очаг открытого типа диаметром до 1,0 м устраивался на земле.

Ко второму типу относятся жилища прямоугольной формы с котлованом от  $6,3 \times 4,6$  м до  $7,0 \times 4,6$  м при глубине от 0,10–12 до 0,20 м [Там же, рис. 1]). Площадь жилищ составляла от 29 до 32 м<sup>2</sup>. Стенки котлована не укреплялись. Прямоугольный деревянный каркас четырехскатного пирамидального перекрытия опирался на плечики котлована в 50–70 см от края и закрывался кусками дерна, при этом в центре оставалось дымовое отверстие. Вход в жилище конструктивно не выделялся и, очевидно, устраивался в длинной стене. Земляной пол незначительно углублялся к центру, где располагался округлый очаг наземной конструкции диаметром до 1 м.

Очаги во всех изученных жилищах представлены «буграми» прокаленного песка мощностью 0,10–0,12 м с включением золы, углей, мелких фрагментов жженных костей. Возле них находились скопления закопченных галек с перехватом (грузила) и массивный камень с ровной поверхностью, также покрытый копотью, которые могли использоваться при приготовлении пищи. Как правило, основная масса находок отмечается вдоль одной длинной, противоположной от входа, стены жилищ. Несколько меньшая их концентрация наблюдается возле коротких



Рис. 3. Углистые остатки перекрытия хозяйственно-культурной постройки городища Усть-Шилка-2.

стен, что может косвенно указывать на расположение здесь спального места. Часто в углах котлованов на полу находились массивные камни-наковальни, использовавшиеся для заточки металлических инструментов. Остальной набор орудий из жилищ – песты, молоточки, точильные камни, скребки для выделки шкур, заготовки костяных наконечников стрел и другие предметы – указывает на характер хозяйственных занятий их обитателей.

Конструктивное сходство всех изученных построек (жилищ и хозяйственно-культурных объектов) шилкинской культуры заключается в устройстве их в неглубоких (до 0,20 м) котлованах и сооружении каркаса кровли из наклонно поставленных жердей, возможно соединенных верхушками и образующих грани пирамиды. Судя по обгоревшим остаткам рухнувших крыш, кровля состояла из плах шириной 9–12, толщиной 4–6 см, которые опирались на каркасные жерди диаметром 4–5 см. Среди плах встречены расколотые вдоль бревна диаметром до 20 см и ветки диаметром 1,5–2 см. Крыша покрывалась корой и кусками дерна.

Инвентарь шилкинских памятников включает железные выпуклообушковые ножи с петельчатым или прямым навершием (рис. 4, 7), проколку со спиральным навершием, шило (рис. 4, 8); бронзовые нож с прорезной рукоятью, навершие которой оформлено в виде стилизованных грифонов (рис. 4, 1), и «кубовидные» бляшки для перекрестья ремней; костяные наконечники стрел с черешковым (рис. 4, 14–16) и расщепленным насадом, бляшку-пуговицу (рис. 4, 13) и напальчник лучника [Мандрыка, 2003а, с. 50, рис. 4–7] из рога; керамические скребки (рис. 5, 13–17); каменные песты, молоточки, точильные камни, скребки, гладилки, грузила для се-

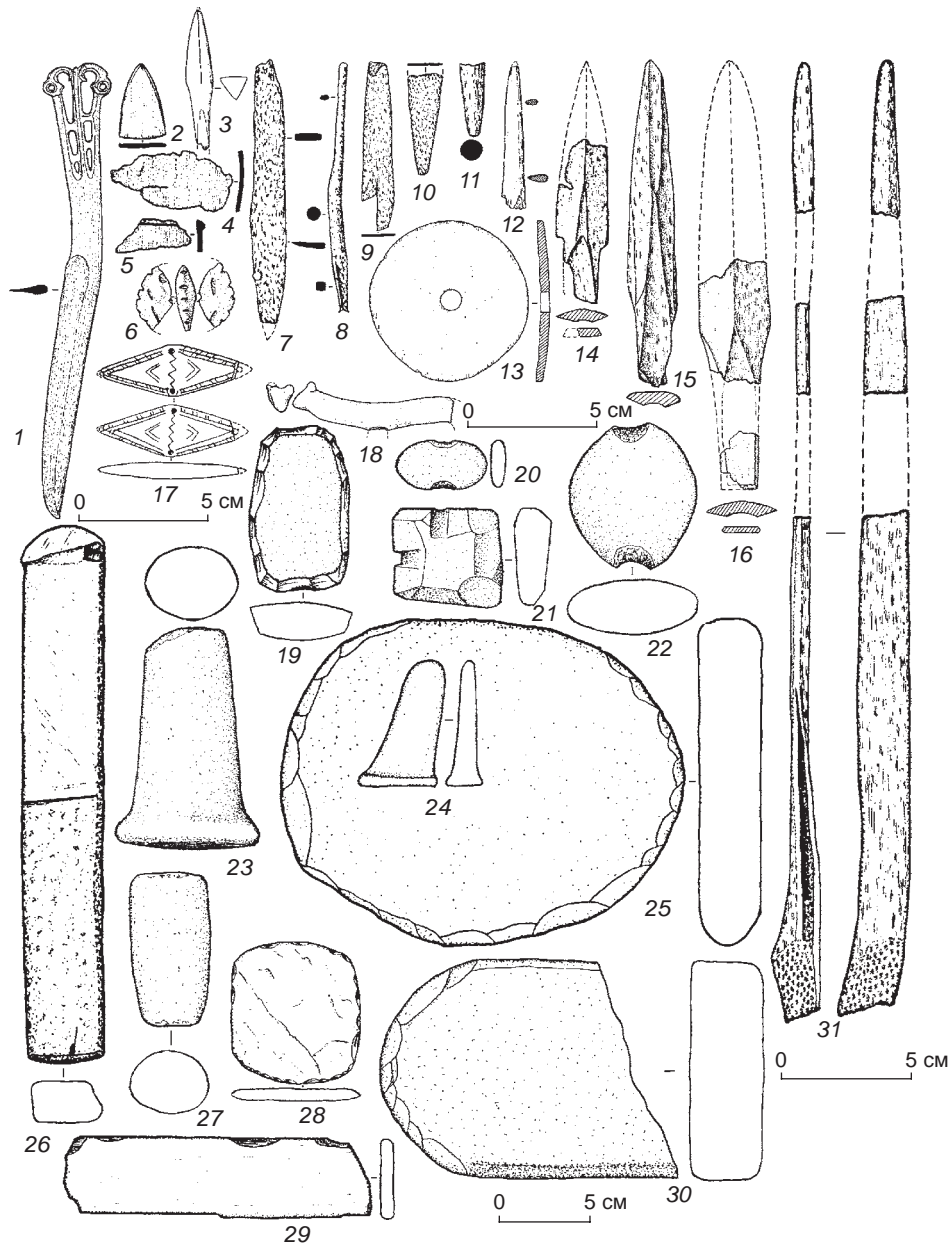


Рис. 4. Вещи с городища Усть-Шилка-2.

1, 7 – ножи; 2, 3, 14–16 – наконечники стрел; 4, 5 – неопределимые обломки; 6 – диск; 8 – шило; 9, 10 – пластины; 11, 12 – остроконечники; 13 – бляшка-пуговица; 17 – подвеска; 18 – териоморфная фигурка; 19, 27 – молоточки; 20, 22 – рыболовные грузила; 21, 25, 29, 30 – точильные камни; 23 – пест; 24 – гладилка; 26 – универсальное орудие; 28 – скребок; 31 – острие.

(1, 2, 4, 5 – бронза; 6, 18 – глина; 7–10 – железо; 3, 11 – рог; 12–16, 31 – кость; 17, 19–30 – камень).

тей; а также различные украшения, в т.ч. глиняную пластику (см. рис. 4, 18). Предметный комплекс позволяет относить шилкинскую культуру к северной периферии скифо-сибирского мира.

Главным индикатором выделения культуры выступает керамика, которая на памятниках, изученных раскопками, представлена более 7 тыс. обломков. Среди черепков имеются фрагменты венчиков,

поддонов, налепных ушек и ручек. Анализу было подвергнуто 106 сосудов с городищ Шилка-2, Усть-Шилка-2, поселений Островки-1, Шилка-9, Шилка-11, т.е. памятников, расположенных в створе Казачинского порога на Енисее. Многие сосуды реставрируются полностью или частично до таких блоков, по которым можно восстановить форму и орнамент целиком.

Керамика изготовлена лепным способом из формовочной массы с примесью слюдянистого песка и мелко толченной дресвы. В некоторых черепках концентрация мелких пластинок слюды в песке значительная, что может указывать на местный его источник: все песчаные пляжи между скалистыми грядами берегов в створе порога состоят как раз из отмытого песка такого состава. Обжиг керамики проводился на костре. Как правило, черепки темно-серого цвета с коричневым оттенком. Редко встречаются светло-серые горшки. Цвет последних, скорее всего, изменился во время их использования, например, при подогреве пищи на углях костра. На внутренней поверхности многих сосудов фиксируется черный налет, оставленный как накипь от пищи (на горшках и банках), так и копоть от дыма (на сосудах-дымокурах).

По форме и орнаменту вся керамическая коллекция разделяется на семь типов.

Тип 1 (60 сосудов) – горшки, редко банки, с разным профилем венчиков, украшенные под ними налепными жгутиковыми валиками (см. рис. 5, 1–6) [Там же, с. 51, рис. 5]. Последние, как правило, с пальцевыми зажимами или насечками. Отмечаются валики с разрывом и загибом конца линии. Иногда от нижнего валика отходит аналогично оформленный наклонный отрезок. В трех случаях в зоне плечиков прочерчены антропоморфные фигуры. Соотношение формы сосудов и орнамента позволяет выделить два подтипа: А – банки (2 экз.) и горшки (50 экз.) с ярко выраженной шейкой, орнамент которых обязательно дополнен пояском ямок; Б – горшки (8 экз.) с менее выраженной шейкой и без пояса ямок.

Тип 2 (21 экз.) – сосуды-дымокуры (см. рис. 5, 8) [Там же, с. 52, рис. 6, 1–3]. Это небольшие горшочки закрытой формы с отогнутым краем венчика. Под венчиком крепилось жгутиковое ушко в форме петли, а под ним в придонной части – трубчатое, по которому с четырех сторон наклеплены жгутиковые рассеченные валики, служившие не только украшением, но и ребрами жесткости. В трубчатом ушке проделывались четыре отверстия, расположенные попарно с двух сторон. Все сосуды-дымокуры орнаментированы только в зоне венчика горизонтальными рядами накольчатых или отступающих оттисков гладких орнаментов с прямым, округлым или заостренным рабочим концом.

Тип 3 (6 экз.) – миниатюрные кубковидные сосуды без орнамента [Там же, рис. 6, 4, 5]. Чаша открытой формы имела кольцевой поддон высотой до 1 см.

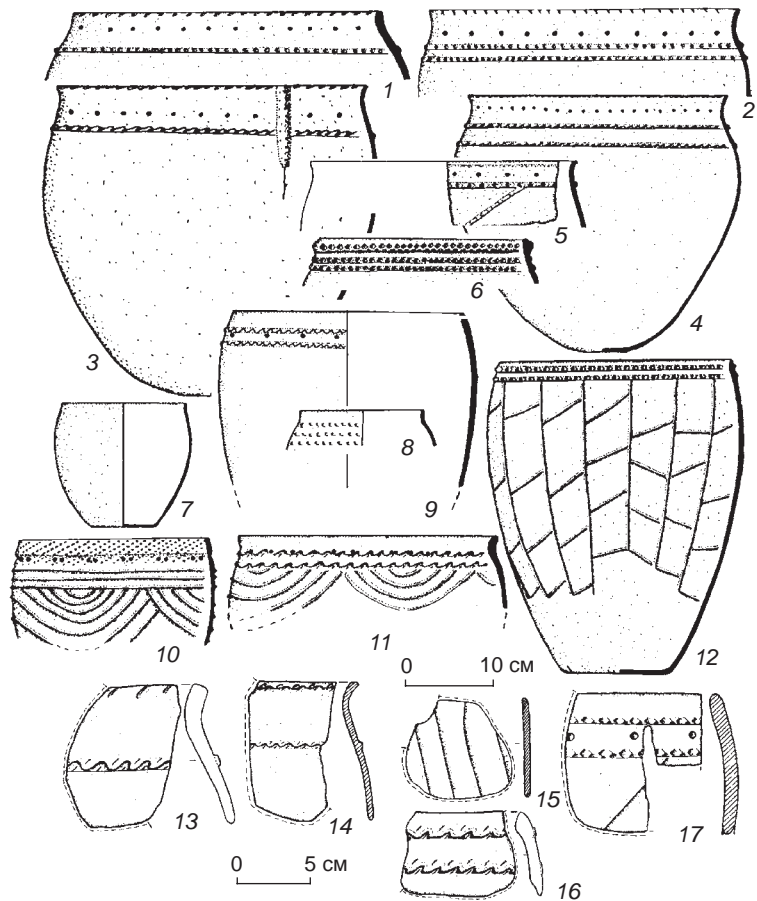


Рис. 5. Керамическая посуда (1–12) и скребки из черепков (13–17) с городища Усть-Шилка-2.

Тип 4 (6 экз.) – кубковидные сосуды с орнаментом, который нанесен только в зоне венчика [Там же, рис. 6, 6–8]. Чаша открытой формы имела кольцевой поддон высотой от 2 до 4 см. По наличию/отсутствию дополнительных налепных деталей выделено два подтипа: без таковых (5 экз.) и с одной ручкой в зоне венчика.

Тип 5 (3 экз.) – толстостенные сосуды закрытой баночной формы с роговыми ручками, прикреплявшимися с двух сторон к стенкам в их центральной части [Там же, рис. 6, 9]. Сосуды сплошь украшены рассеченными налепными жгутиковыми валиками, которые в одном случае дополнены зигзагом из отступающих оттисков гладких орнаментов с заостренным рабочим концом.

Тип 6 (6 экз.) – сосуды баночной формы с каплевидным сечением края венчика. Два из них без орнамента, остальные украшены в зоне венчика налепными жгутиковыми валиками, которые дополняются рядами наколов. У реставрированных сосудов по стенкам наклеплены гладкие жгутиковые валики, расположенные вертикально или образующие крупную сетку (см. рис. 5, 12).

Тип 7 (4 сосуда) – банки и горшки, украшенные тонкими обмазочными валиками\* до придонной части. Венчики прямые или слегка профилированные с заостренным обрезом. Под краем на утолщенном венчике гладкие или рассеченные наклепные жгутиковые валики, в одном случае наколы наклонной гребенки. Зона шейки и плечиков украшена обмазочными валиками, расположенными горизонтально или концентрическими полукольцами. Орнамент дополнялся одним или двумя рядами ямок (см. рис. 5, 10, 11).

Преобладающая в комплексах по численности посуда 1-го (варианты А и Б) и 2-го (сосуды-дымокуры) типов выступает определяющим фактором в культурно-хронологической характеристике культуры. Такие горшки, как и банки 6-го и 7-го типов, были широко распространены в таежном и южно-таежном районах Средней Сибири в раннем железном веке. В пределах Казачинского археологического микрорайона, кроме представленных памятников, керамика 1-го типа отмечена на поселении Нижнепорожское-1 и производственной площадке Шилка-6 [Мандрыка, 2001]. В южно-таежном районе Енисейского Приангарья она встречена на поселениях Каменка-2, Стрелковский Порог, Черная (разведки и раскопки автора или при его участии), на селище Чермянка (исследования Н.П. Макарова). В Северном Приангарье отдельные черепки такой керамики присутствуют в культурных поселенческих слоях на стоянках Сергушкин-3 и Нижняя Изголовь (раскопки В.И. Привалихина), Чадобец (раскопки Н.И. Дроздова) и др. Имеются фрагменты сосудов, аналогичных типу 1Б, и среди сборов на памятниках в бассейне Подкаменной Тунгуски, например, в устье р. Тэтэрэ [Привалихин, Дроздов, Макулов, 2005, с. 74, рис. 4, 1, 2], а также в бассейне Лены, например, на мысе Обух [Окладников, 1946, с. 173, табл. XII, 13]. Керамика этого типа фиксируется и в бассейне Бирюсы (р. Она) на стоянке Хандальск (сборы автора 2006 г.), и в лесостепном Канском районе, в культурном слое 1 многослойного памятника Казачка (коллекция ЛАП ИГУ, Каз. 74 Р4-1-7), на стоянке Дзержинское (раскопки В.И. Привалихина). Отдельные бронзовые и железные предметы с указанных памятников позволяют отнести керамику 1-го типа к раннему железному веку.

Сосуды-дымокуры (тип 2) с трубчатым ушком в придонной части были широко распространены в таежных и южно-таежных районах Сибири с раннего

\*Обмазочные валики выполнялись нанесением тонкого дополнительного слоя на поверхность – примазкой, обмазкой, т.е. поверхность сосуда рукой обмазывалась тончайшим слоем инородной, тщательно обработанной глиняной массы. Валики получались из глины, которая проходила между пальцами мастера. Поэтому они тонкие (невысокие и неширокие), треугольные в сечении, имеют расплывчатые очертания, если их несколько, то они всегда параллельны и на одном расстоянии друг от друга [Мандрыка, 1995].

этапа эпохи железа [Мандрыка, 1994]. На территории Северного Приангарья они отмечены, например, на стоянках Усть-Илим, Бадарма-1 и др. [Васильевский, Бурилов, 1971, табл. 10]. Интересен факт нахождения аналогичного сосуда-дымокура в раннесредневековом курге 16 Тимирязевского могильника в Томском Приобье [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 27, 1]. Шилкинские сосуды-дымокуры отличаются от ангарских и обских формой верхнего ушка и орнаментом. Последние имеют языковидное ушко и украшены тонкими обмазочными наклепными валиками. Поскольку орнамент на сосудах-дымокурах отвечал общим традициям украшения посуды, то и в шилкинских комплексах он встречается на других формах, например, на полноразмерных кубках и сосудах с роговыми ручками.

Банки, украшенные гладкими и рассеченными жгутиковыми валиками (тип 6), в районе исследования преобладают в нижнепорожских комплексах, которые датируются серединой I тыс. до н.э. и существовали параллельно шилкинским. Идентичный орнаментальный мотив был широко распространен в глубинных таежных районах Восточной Сибири (ангаро-тунгусские водоразделы, Ленский бассейн) на всем протяжении I тыс. до н.э. и наносился на круглодонные сосуды [Эртюков, 1990]. Плоскодонная же посуда отмечена только в районе исследования. В преобладающем количестве она представлена в материалах закрытых стратифицированных нижнепорожских комплексов, например, жилищ селища Шилка-10. Присутствие такой посуды на шилкинских памятниках может указывать на контакты с инокультурным населением, проживавшим в пределах ареала шилкинцев.

Сосуды, украшенные тонкими обмазочными валиками (тип 7), также были широко распространены в таежных районах Сибири с середины I тыс. до н.э. до начала II тыс. н.э. Орнамент, состоящий только из таких валиков (волнистых, оформленных пальцевым зацепом), в районе исследования отмечается с конца бронзового века. Сочетание же на одном сосуде жгутиковых и обмазочных наклепных валиков фиксируется здесь в начале раннего железного века. Присутствует аналогичная посуда и в материалах усть-мильской культуры (Якутия) [Там же, табл. 22, 24], просуществовавшей до середины I тыс. до н.э. [Алексеев, 1996, с. 70]. В раннем железном веке подобные сосуды бытовали у населения Северного Приангарья [Леонтьев, 1999]. На Таймыре такой вид орнаментации отмечается на керамике усть-половинкинского и первого бояркинского типов, отнесенных Л.П. Хлобыстиным к средним векам [1998, с. 127, рис. 136]. Все это указывает на контакты шилкинцев с северными и восточными инкультурными соседями.

Шилкинская посуда 3–5-го типов (миниатюрные и полноразмерные кубки, сосуды с роговыми ручками) сложилась в результате слияния местных и южных,

степных традиций. Миниатюрные кубки без орнамента находят аналогии в материалах тагарских и таштыкских поселений и курганов степных и лесостепных районов Енисейской долины [Дэвлет, 1964]. Но они не привозные, т.к. изготовлены из местного сырья и их наружная поверхность нелощеная. С тагарской посуды, очевидно, копировалась также форма полноразмерных кубков и сосудов с роговыми ручками. Однако орнаментировались они согласно местной традиции.

Таким образом, керамический комплекс шилкинской культуры в Енисейском Приангарье возник не на местной основе; он появился здесь в готовом, сформированном виде и был дополнен местными элементами. В нем нашли отражение также традиции как северных и восточных таежных соседей, так и южных лесостепных племен.

Для определения хронологических рамок шилкинской культуры мы располагаем пока небольшим числом датирующих вещей и фактов. Относительная хронология устанавливается по серии многослойных памятников, где шилкинская керамика залегает выше слоев, содержащих посуду с «вафельным» техническим декором и относящихся к переходному времени от бронзового века к железному. Обоснованию датировки может служить и незначительная выборка вещей, находящих аналогии в материалах памятников VI в. до н.э. в саяно-алтайских степях. Среди них бронзовые выпуклообушковый нож с прорезной рукоятью и ажурным навершием в виде стилизованных голов грифонов (см. рис. 4, 1), «кубовидные» бляшки для перекрестья ремней, костяная дисковидная бляшка-пуговица (см. рис. 4, 13) и др. На время существования шилкинской культуры в пределах конца VI – I в. до н.э. указывает серия радиоуглеродных дат, определенных по древесному углю от стен городищ и перекрытия жилищных построек. Самые ранние из них – 2 475 ± 65 л.н. (СОАН-4241) и 2 450 ± 50 л.н. (СОАН-4242) – получены для жилища 8 городища Шилка-2, поздняя – 2 025 ± 65 л.н. (СОАН-3289) – для жилища 1, находящегося за пределами укрепленной площадки того же городища. Эти жилища датируются соответственно концом VI – началом V в. до н.э. и концом II – началом I в. до н.э. Остальные шесть дат лежат в указанном интервале.

Ареал культуры занимает южно-таежную подзону Средней Сибири (см. рис. 1). На юге он доходит до Красноярско-Канской лесостепи, на севере соседствует с памятниками раннего железного века северной тайги и лесотундры, на западе граница проходит по объ-енисейскому водоразделу, на востоке рубеж четко не определяется; ареал может включать Северное Приангарье, доходя до ангаро-ленского водораздела и Прибайкалья. В пределах территории распространения культуры шилкинское население сосуществовало с инородными местными племенами, носителями других

керамических традиций. В Енисейском Приангарье это были нижнепорожинцы, а в Северном – цэпаньцы.

Сложение шилкинской культуры связано с проникновением в автохтонную среду пришлого населения из районов Забайкалья и Прибайкалья, постепенно продвигавшегося на запад по долинам или водоразделам правобережных притоков Енисея – Подкаменной Тунгуски, Ангары, Чуны и Бирюсы. Об этом позволяет говорить валиковая керамика 1-го шилкинского типа, традиция изготовления которой уходит в Южное Забайкалье. Здесь гладкостенные сосуды, украшенные рассеченными или гладкими валиками, представлены уже в плиточных могилах чулутского этапа (XIII–VIII вв. до н.э.), а на ацайском (VIII–VI вв. до н.э.) они занимают ведущие позиции в керамическом комплексе [Цыбиктаров, 1998, с. 121–122]. На западном побережье Байкала в середине I тыс. до н.э. также отмечается смена керамической традиции, распространяется керамика с треугольными в сечении налепными валиками, рассеченными поперечными вдавлениями. Посуда имела либо гладкую поверхность, либо «вафельный» технический декор. Такая керамика сопровождает захоронения, представляющие елгинский погребальный обряд [Горюнова, 1993], который существовал в Приольхоне с III в. до н.э. по IV в. н.э. Сосуды с налепными валиками и «вафельными» оттисками А.В. Харинский [2005, с. 207–208] предлагает называть керамикой борисовского типа, а аналогичные плоскодонные гладкостенные горшки – елгинского. Появившись на Енисее, а может быть и во время своего продвижения, шилкинцы испытали влияние со стороны кочевников Саяно-Алтая. Это проявляется в распространении отдельных бронзовых предметов, украшенных мотивами скифо-сибирского звериного стиля.

Остается открытым вопрос о судьбе шилкинского населения. В Енисейском Приангарье его сменяют носители культуры с керамикой айканского типа [Мандрыка, 1997] (сосуды с отогнутым краем венчика в виде карнизика, украшенные тонкими обмазочными налепными валиками). Они ассимилируют шилкинское население, а часть его, по-видимому, оттесняют на север, в низовья Енисея, где шилкинцы приняли участие в сложении малокоренинской и усть-чернинской культур конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э.

### Список литературы

- Алексеев А.И.** Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 96 с.
- Андреев Г.И.** Памятники I тыс. до н.э. на Подкаменной Тунгуске // КСИА. – 1971. – Вып. 128. – С. 44–47.
- Багашев М.С., Макаров Н.П.** Культурогенез таежных народов нижнего Енисея. – Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2000. – 35 с.

**Беликова О.Б., Плетнева Л.М.** Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – 244 с.

**Буторин В.Г., Гревцов Ю.А., Тарасов А.Ю., Ригин М.В.** Исследования на р. Бирюсе // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. XXX Регион. археол. студ. конф. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1990. – С. 102–103.

**Васильевский Р.С., Бурилов В.В.** Археологические исследования в 1968 году в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. – Новосибирск: Наука, 1971. – Вып. 2. – С. 202–284.

**Горюнова О.И.** Ранний железный век на территории Предбайкалья (современное состояние проблемы) // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика: Тез. и мат-лы науч. конф. – Улан-Удэ, 1993. – С. 76–80.

**Гревцов Ю.А., Сергейкин А.А.** Усть-Тасеевский комплекс (новые находки) // Молодая археология и этнология Сибири: Докл. XXXIX Регион. археол.-этнол. студ. конф. – Чита: Изд-во Забайкал. гос. пед. ун-та, 1999. – Ч. 1. – С. 121–122.

**Гревцов Ю.А., Тарасов А.Ю., Буторин В.Г., Бокарев А.А.** Археологические памятники рек Чуны и Тасеева в Северном Приангарье // Проблемы археологии Северной Азии: (Тез. докл. XXVIII Регион. археол. студ. конф.). – Чита: Читин. гос. пед. ин-т, 1988. – С. 77–79.

**Дроздов Н.И., Леонтьев В.П., Привалихин В.И.** К вопросу о хронологической принадлежности погребений стоянки Пашина в Северном Приангарье // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2005. – Вып. 4. – С. 50–57.

**Дэвлет М.А.** Керамика позднетагарских курганов Красноярского района // СА. – 1964. – № 2. – С. 205–210.

**Леонтьев В.П.** Железный век Северного Приангарья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999. – 24 с.

**Макулов В.И., Леонтьев В.П.** Новые данные по железному веку Эвенкии (бассейн реки Подкаменной Тунгуски) // Древности Приенисейского края. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2003. – Вып. 2. – С. 59–62.

**Мандрыка П.В.** Типология сосудов-дымокуров // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 124–126.

**Мандрыка П.В.** Приемы описания керамики валиковогото типа // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – С. 114–116.

**Мандрыка П.В.** Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка или к вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в Красноярской лесостепи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: ТУСУР, 1997. – С. 209–217.

**Мандрыка П.В.** Производственная площадка по выплавке железа в подтайге среднего Енисея // На стыке поколений. – Иркутск: ЦДНУТиК, 2001. – С. 16–25.

**Мандрыка П.В.** Городище Шилка-2 – памятник железного века южной тайги среднего Енисея // История и культура Приенисейской Сибири. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2003а. – С. 32–52.

**Мандрыка П.В.** Датировка и периодизация памятников тагаро-таштыкского времени подтайги среднего Енисея // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003б. – Кн. 2. – С. 89–93.

**Мандрыка П.В.** Реконструкция жилищ железного века южной тайги среднего Енисея // Забайкалье в геополитике России: (Мат-лы Междунар. симп. «Древние культуры Азии и Америки». 26 августа – 1 сентября 2003 г., г. Чита. – Улан-Удэ, 2003в. – С. 79–81.

**Мандрыка П.В.** Шилкинская культура в южной тайге средней Сибири // II Северный археологический конгресс. 25–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск: Тез. докл. – Екатеринбург: Чароид, 2006. – С. 117–118.

**Мандрыка П.В., Свалова Е.А.** Грунтовые погребения тесинского этапа тагарской культуры в подтаежной зоне среднего Енисея // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово; Гурьевск: Изд-во Кузбас. гос. техн. ун-та, 1998. – С. 254–259.

**Мельникова Л.В., Николаев В.С., Мандрыка П.В.** Петроглифы Казачинского порога на Енисее // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 годах. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 69–70.

**Николаев Р.В.** Материалы к археологической карте севера Красноярского края // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск: Кн. изд-во, 1963. – С. 127–134.

**Окладников А.П.** Ленские древности. – Якутск: НИИЯЛИ ЯАССР, 1946. – Вып. 2: Отчет об археологических исследованиях на нижней Лене от Жиганска до Камах-Сурта в 1942–1943 гг. – 187 с.

**Привалихин В.И.** Новые материалы по бронзовому веку нижней Ангары (к постановке вопроса о выделении археологической культуры) // Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1986. – С. 99–104.

**Привалихин В.И.** Ранний железный век Северного Приангарья (Цэпаньская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 24 с.

**Привалихин В.И., Дроздов Н.И., Макулов В.И.** Археологические исследования Красноярского краевого краеведческого музея в бассейне реки Подкаменная Тунгуска (1921–1982 гг.) // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2005. – Вып. 4. – С. 66–86.

**Харинский А.В.** Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2005. – Вып. 3. – С. 198–215.

**Хлобыстин Л.П.** Древняя история Таймырского заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 342 с.

**Цыбыктаров А.Д.** Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. – 288 с.

**Эртюков В.И.** Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. – М.: Наука, 1990. – 153 с.

*Материал поступил в редколлегию 02.04.07 г.*